

УДК 343.211

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УК РФ

А.М. Балафендиев

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы о сущности и признаках деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности по уголовному законодательству Российской Федерации. Представляют интерес суждения автора об объективных и субъективных аспектах деятельного раскаяния. На основе проведенного анализа предлагается модифицировать норму УК РФ, регламентирующую освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности.

В ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) предусмотрено, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало расследованию и раскрытию преступления, возместило нанесенный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. Установленные законодателем в рассматриваемой норме признаки деятельного раскаяния в науке продолжают оставаться дискуссионными.

Совокупность требований, содержащихся в норме ст. 75 УК РФ, нередко именуют условиями деятельного раскаяния (см., например, [1, с. 165, 166] и др.). Не вступая в дискуссию относительно корректности использования данной номинации, отметим только, что если в отдельных случаях эти требования можно считать условиями (к примеру, при анализе проблемы реализации (применения) нормы о деятельном раскаянии), то в других случаях (например, при определении понятия) их следует рассматривать в качестве признаков. Применительно к поведению деятельно раскаявшегося лица уместнее вести речь о возможных *формах* деятельного раскаяния. Полагаем, что в данном случае было бы правильнее говорить о признаках деятельного раскаяния.

Следует иметь в виду, что не все требования, приведенные в ст. 75 УК РФ, характеризуют деятельное раскаяние. На наш взгляд, можно согласиться с мнением В.А. Кушнарёва – требования о том, что при наличии деятельного раскаяния лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если преступление

совершено этим лицом *впервые*, а также оно (преступление) относится к категории либо *небольшой*, либо *средней тяжести*, предусматривают, что норма данной статьи может вступать в действие только при наличии данных условий. Эти положения представляют собой гипотезу нормы ст. 75 УК РФ [2, с. 49].

Другие признаки (условия), предусмотренные в ст. 75 УК РФ, характеризуют само деятельное раскаяние. Законодатель, говоря о деятельном раскаянии, в названии указывает оба критерия: объективный и субъективный, тогда как в ранее действовавшем УК РСФСР 1960 г. речь шла о чистосердечном раскаянии.

В современной литературе вопрос о чистосердечии раскаяния лица, претендующего на освобождение от уголовной ответственности, степени его искренности, остается дискуссионным. Одни авторы считают правильным основной акцент делать именно на этом аспекте (отношение лица к содеянному и мотивы устранения последствий совершенного преступления) [3, с. 32; 4, с. 77; 5, с. 15–16]. Другие авторы отстаивают противоположное мнение, предлагая в словосочетании «*деятельное раскаяние*» делать акцент на слове «*деятельное*», ибо «*первостепенное значение имеют объективно выраженные действия лица, а не субъективное отношение к происходящему*» [6, с. 74]. Так, Л.В. Головкин убежден, что «*в действительности человек может и не раскаяться, более того, он может считать конкретный уголовно-правовой запрет неразумным, устаревшим и даже абсурдным, а свой поступок – естественным, но при этом из страха перед уголовным преследованием и наказанием, крушением карьеры, осуждением со стороны окружающих или по каким-либо иным соображениям совершить предписанные ст. 75 УК РФ действия. При этом он может не представлять никакой опасности для общества, поэтому не стоит отказывать лицу только по той причине, что он не раскаялся чистосердечно, т. е. искренне*» [6, с. 74].

Представляется более предпочтительным последнее мнение: признавая важное значение чистосердечия раскаяния, искренности поступков, мы, тем не менее, не считаем обязательным устанавливать в каждом случае искренность виновного и мотивы позитивных поступков. В соответствии с принятым в отечественном уголовном праве подходом законодатель оставляет вне поля регулирования внутренний мир человека. Кроме того, степень и искренность раскаяния не поддаются объективному измерению, оценке. Поскольку внутренний мир объективируется в поведении, вывод о наличии раскаяния и (в определенной мере) его степени можно сделать именно по поведению лица, совершившего преступление.

Первым среди признаков (условий) деятельного раскаяния законодатель называет добровольную явку с повинной. Ключевым словосочетанием в этой формулировке является «*явка с повинной*», а добровольность – ее необходимое свойство.

Вместе с тем относительно этого признака в литературе высказано и противоположное суждение. И. Петрухин полагает, что содержание понятия «*деятельное раскаяние*» в некоторых случаях вообще не включает такого признака, как добровольность (например, ст. 205 УК РФ), хотя он является одним из основных в характеристике деятельного раскаяния [7, с. 25]. Необходимо отметить при этом, что добровольность присуща всем видам деятельного раскаяния,

в том числе и специальным. Особенности конструирования отдельных видов деятельного раскаяния в той форме, в которой они изложены в законе, (применительно и к общей норме, и к специальным видам), как справедливо указывает И.А. Тарханов, лишь свидетельство того, что их редакция нуждается в корректировке [8, с. 223].

Требования, которым должно соответствовать заявление о совершенном преступлении (другой признак явки с повинной), также определяются авторами по-разному.

П. Алюшкин считает необходимым признаком явки с повинной *своевременность*, чтобы «соответствующее заявление явилось поводом к возбуждению уголовного дела (преследования), либо поводом для возобновления производства по уголовному делу, когда последнее было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого» [9, с. 90]. Если правоохранительному органу уже известны обстоятельства совершения преступления и лицо, его совершившее, ценность явки с повинной значительно понижается [9, с. 89–91].

Необходимым условием осуществления явки с повинной считают и *личный характер* заявления о совершении преступления. По мнению Н.В. Григорьева, нельзя относить к явке с повинной сообщения по почте о совершенном преступлении или передачу этих сведений по телефону, поскольку в таких случаях нет личной явки в правоохранительные органы [10, с. 15]. Многие правоведы не признают явкой с повинной и случаи, когда о преступлении и лице, его совершившем, сотрудникам правоохранительных органов ранее уже было известно. Подобная явка может служить лишь обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность [11, с. 42].

В приведенных позициях явка с повинной излишне формализована, что ограничивает сферу ее применения и возможности института деятельного раскаяния. Суть явки с повинной заключается в добровольной передаче виновным себя правоохранительным органам. Форма передачи сведений о совершении преступления (лично, по почте, телефону и др.), а также разрыв во времени между моментом передачи сведений (заявлением) и прибытием лица в правоохранительный орган (так же, как и процессуальный момент явки с точки зрения интересов следствия) сути явки с повинной не меняют. Более предпочтительной выглядит в этом вопросе позиция М.А. Скрябина и Х.С. Шакирова, считающих, что личный характер заявления не должен иметь определяющего значения. Иногда лицо в силу различных обстоятельств не может само явиться в правоохранительные органы, но сообщает о совершенном преступлении иным способом. Например, опасаясь мести родственников убитого, виновный скрывается, но ставит в известность о содеянном органы милиции [11, с. 42]. Представляется также обоснованным мнение этих авторов, полагающих, что если факт совершенного преступления уже известен правоохранительным органам и установлено лицо, его совершившее и скрывающееся от органов следствия и суда, добровольная явка этого лица с заявлением о признании вины в совершенном преступлении и готовностью сообщить об имеющих значение обстоятельствах дела и давать необходимые показания должна быть признана явкой с повинной [11, с. 49]. «Регламентируя институт освобождения от уголовной ответственности,

законодатель менее всего видит в нем способ узко формального толкования отдельных юридических понятий (явка с повинной, раскаяние и др.). В любом случае уголовному праву необходимо заинтересовать обвиняемого в том, чтобы помочь раскрыть преступление, загладить вред, а не отказывать ему в освобождении от уголовной ответственности только потому, что нет одного признака деятельного раскаяния, названного в законе, например явки с повинной, часто – в силу обстоятельств, не зависящих от воли этого лица» [6, с. 74].

Способствование раскрытию преступления – следующее требование, которое предусматривает норма ст. 75 УК РФ в качестве обязательного признака деятельного раскаяния. Способствовать – значит оказывать помощь, содействовать, быть причиной, помочь возникновению чего-нибудь [12, с. 757]. Содержание данного понятия указывает на определенную деятельность, а это ставит проблему установления пределов способствования раскрытию преступления.

В литературе обсуждается вопрос о правовом значении активности деятельно раскаявшегося лица. Ю.М. Ткачевский и Н.Е. Крылова под способствованием раскрытию преступления понимают *активную* помощь следственно-судебным органам в выявлении орудий, предметов и следов совершенного преступления, в проведении следственных действий, в установлении фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, в обнаружении, задержании и изобличении соучастников преступления, в выявлении его причин и условий [1, с. 168]. П.В. Алюшкин считает, что речь должна идти «о содействии успешному развитию оперативной и процессуальной деятельности на *значительном* ее отрезке...» [9, с. 95]. Помощь эта должна быть *существенной*, сокращающей время и затраты на выполнение процессуальных процедур, ускоряющей возмещение причиненного потерпевшему ущерба, а результатом, как правило, должно стать раскрытие преступления. По мнению С.П. Щербы и А.В. Савкина, способствование раскрытию преступления должно выражаться «в том, что *инициатива* в проведении отдельных следственно-розыскных мероприятий по сбору и фиксации доказательственной информации, направленных на раскрытие преступления, должна исходить от самого подозреваемого, обвиняемого» [5, с. 19]. С теми или иными оговорками подобный подход поддерживают многие авторы [1, с. 169]. На взгляд Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова, способствование раскрытию преступления должно быть выражено в *стремлении* лица, совершившего преступление, своими действиями помочь органам правосудия в установлении истины по делу, его стремлении участвовать в производстве конкретных процессуальных действий, инициативе проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий по сбору и фиксации доказательств, направленных на раскрытие преступления [13, с. 19].

Отличается от приведенных позиция А.В. Ендольцевой, определяющей предусмотренное ст. 75 УК РФ способствование раскрытию преступления как добровольную, *возможную* и *посильную* помощь лица, совершившего преступление, органам дознания, следствия и суду [14, с. 80].

Законодательная формулировка рассматриваемого требования представляется нам вполне приемлемой и достаточно удачной. Способствование предполагает деятельность, рамки которой законодатель не установил. Понятие «способствование» охватывает максимально широкий спектр вариантов деятельности

(поведения). Несомненно, при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в отношении того или иного лица должны быть учтены степень активности участия и продуктивность его действий с точки зрения интересов следствия и продолжительность его сотрудничества, а также многие другие, заслуживающие внимания обстоятельства.

Вместе с тем ни активность лица в процессе расследования и продолжительность его помощи, ни продуктивность его действий не могут и не должны влиять на возможность принятия решения о его освобождении. Ставить решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности в зависимость от перечисленных обстоятельств – значит необоснованно ограничивать практическое применение деятельного раскаяния. «Если попытки виновного не привели к положительному результату, – отмечают Ю.М. Ткачевский и Н.Е. Крылова, – т. е. несмотря на его помощь, не удалось установить соучастников, обнаружить следы преступления, другие доказательства, то само по себе это не должно препятствовать освобождению от уголовной ответственности» [1, с. 169].

С точки зрения органа предварительного расследования или органа дознания (полномочных принимать решение об освобождении от уголовной ответственности), заинтересованных в раскрытии преступления, успешном расследовании и закреплении доказательств, да и в целом с позиции интересов государства и общества существенно, чтобы помощь лица была активной и плодотворной, однако при решении вопроса о деятельном раскаянии, в том числе о признании в действиях лица способствования раскрытию преступления, законодатель расставил акценты иначе: необходимо только, чтобы лицо поменяло поведенческую ориентацию с преступной на законопослушную, и для этого достаточно совершения любых действий, которые подтверждают изменение отношения лица к совершенному преступлению. Требовать большего – значит перенести на данное лицо функции правоохранительного органа. С этой позиции вполне справедливым представляется утверждение В.К. Дуюнова о том, что учитывать, насколько продуктивным было участие данного лица в раскрытии преступления, следует в совокупности со всеми иными обстоятельствами, однако закон не предусматривает, чтобы виновный «душу положил на алтарь служения Фемиде», чтобы он стремился раскрыть преступление, был инициатором следственно-розыскных мероприятий и т. п. [15, с. 39]. Подобный подход неоправданно сужает возможности и сферу применения рассматриваемого института, ставит необоснованные препятствия на пути освобождения от уголовной ответственности лица, деятельно раскаявшегося в совершении преступления.

Представляется верной позиция, согласно которой «деятельное раскаяние лица подразумевает искупление им прежде всего собственной вины», независимо от поведения других соучастников преступления, если преступление совершено группой лиц [9, с. 94]. Рамки деятельного раскаяния охватывают действия, помогающие установить, доказать участие и виновность, обнаружить, задержать остальных участников совершенного преступления, а также действия по предотвращению последствий совершенного деяния или возможных действий со стороны других участников преступления.

Summary

A.M. Balafendiev. The Problem of Realization of Active Repentance as the Base of Relief from Criminal Liability in the Criminal Code of the Russian Federation.

The article deals with the debatable problems of essence and characteristics of the active repentance as the base of relief from criminal liability under the criminal legislation of the Russian Federation. Author's judgments about the objective and subjective aspects of the active repentance are of great interest. On the basis of the analysis made it is suggested to modify the norm of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates the relief from criminal liability due to active repentance.

Key words: active repentance, relief from criminal liability.

Литература

1. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 2. Учение о наказании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – 399 с.
2. *Кушнарев В.А.* Проблемы толкования норм уголовного права о деятельном раскаянии // Юрид. мир. – 2002. – № 1. – С. 44–50.
3. *Лобанова Л.В.* К вопросу о соответствии наименования и содержания статьи 75 УК РФ // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: Сб. науч. ст. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. – С. 29–35.
4. *Щерба С.П., Савкин А.В.* Институт деятельного раскаяния в уголовном законодательстве // Журн. рос. права. – 1997. – № 2. – С. 73–79.
5. *Щерба С.П., Савкин А.В.* Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / Под общ. ред. С.П. Щербы. – М.: Спарк, 1997. – 110 с.
6. *Головкин Л.В.* Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием // Законодательство. – 1999. – № 1. – С. 72–77.
7. *Петрухин И.* Гуманность или трезвый расчет? // Рос. юстиция. – 1999. – № 9. – С. 25–26.
8. *Тарханов И.А.* Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 332 с.
9. *Алюшкин П.В.* Фактический состав освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 198 с.
10. *Григорьев Н.В.* Процессуальные аспекты освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям, предусмотренным Особенной частью УК РСФСР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – 22 с.
11. *Скрябин М.А., Шакиров Х.С.* Общий и специальные виды освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. – 168 с.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
13. Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый юрист, КноРус, 1997. – 592 с.
14. *Ендольцева А.В.* Освобождение от уголовной ответственности. – М.: Юнити-Дана, 2004. – 231 с.

15. *Дуюнов В.К.* Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2001. – 390 с.

Поступила в редакцию
17.05.10

Балафендиев Арсен Мирзегиевич – старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: *Kard.111@inbox.ru*